

ДОЛГОСРОЧНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ ПОЛИТИКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Алексей Иванович Подберёзкин

*Московский государственный институт международных отношений (Университет)
МИД России, Москва, Россия*

Максим Владимирович Харкевич

*Московский государственный институт международных отношений (Университет)
МИД России, Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 4 декабря 2016 <i>Принята к печати:</i> 1 июня 2017</p>	<p>Аннотация: В современных условиях трансформации и хаотизации системы международных отношений снижение прогнозируемости ее развития необходимо компенсировать за счет усиления нормативного содержания такого прогнозирования, что на деле является планированием. Кризис, углубляющийся в международных отношениях в последние годы, позволяет сделать пессимистический вывод о наиболее вероятном и опасном сценарии развития международных отношений – «усилении военно-силового противоборства между основными локальными человеческими цивилизациями» и представляемыми ими военно-политическими коалициями и центрами силы. При этом следует учитывать, что эффективным инструментом реализации такого противоборства является система военных и гражданских инструментов, используемых для оказания комплексного многофакторного и многоаспектного воздействия на объект. В результате такого давления между отдельными его инструментами возникает синергетический эффект взаимного усиления, что позволяет экономить ресурсы влияния. Сегодня наиболее ярким примером такого комплексного влияния может служить политика новой публичной дипломатии. Для реализации подобных комплексных подходов к отстаиванию своих национальных интересов необходимо реформировать систему обеспечения национальной безопасности с целью включения в нее не только традиционных силовых органов, но и организации бизнеса и гражданского общества, а также для повышения координации отдельных ее частей. Однако реализовать такую реформу невозможно без национальной идеологии, которая формирует нормативные приоритеты национального развития и национальной безопасности.</p> <p><i>Исследование выполнено в рамках проекта РНФ «Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений» №14-18-02973</i></p>
<p>Об авторах: <i>Подберёзкин А.И.</i>, д.полит.н., профессор, Кафедра отечественной и всемирной истории, МГИМО МИД России e-mail: podberezkin@gmail.com <i>Харкевич М.В.</i>, к.полит.н., доцент, Кафедра мировых политических процессов, МГИМО МИД России e-mail: m.kharkevich@inno.mgimo.ru</p>	
<p>Ключевые слова: военные конфликты, локальные человеческие цивилизации, человеческий капитал, стратегия национальной безопасности, стратегический прогноз, стратегическое планирование</p>	

Современное состояние методологии прогнозирования и планирования национальной и международной безопасности в России

К сожалению, приходится констатировать, что в настоящее время научной теории обеспечения международной, региональной

и национальной безопасности в современной российской политологии не существует, если, конечно, не считать в качестве такой теории внешнеполитические инициативы, рассчитанные на привлечение внимания общественности: создание «всеобъемлющей» системы международной и европейской безопасности, «безъядерного мира» и целого

ряда международно-правовых инструментов, «гарантирующих» безопасность и т.д.

Следует также отметить, что существуют отдельные, нередко противоречивые и даже взаимно исключаящие, положения, которые были разработаны в связи с необходимостью принятия ряда законов и указов в последние годы, которые не заменяют отсутствия общей теории и сколько-нибудь единого подхода экспертного сообщества. Этому явлению есть свои объяснения. Прежде всего связанные с резким снижением политического запроса и общего уровня качества научных исследований в современной России, которые постепенно уступили место содержательного анализа пропагандистскому обеспечению деятельности правящих элит. Как справедливо заметила политолог Т. Шаклеина, «в XXI веке ... произошло не только сокращение масштабов фундаментальных систематических исследований..., но и серьезное снижение качества исследований»¹.

Существует и целый комплекс других объективных и субъективных причин, объясняющих кризис в области исследований проблем безопасности в России. Политика в области безопасности, как предмет исследования и системного анализа, представляет собой одну из наиболее сложных областей знаний в силу целого ряда объективных причин, связанных прежде всего с субъективностью и иррациональностью, свойственной политике вообще, а также с доступностью и достоверностью информации, которая изначально, по определению, не может быть ни абсолютно доступна, ни даже приблизительно достоверна. Достаточно привести известный исторический пример, вызывающий и сегодня множество споров, о том, знал ли И.В. Сталин о конкретном сроке и плане нападения Германии на СССР. Не смотря на огромное количество имеющихся документов, мы и сегодня не можем с уверенностью ответить на этот вопрос.

¹ Шаклеина Т.А. Введение в прикладной анализ международных ситуаций / под ред. Т.А.Шаклеиной. – М.: Аспект Пресс, 2014. – с. 9 [Shakleina, T.A. Vvedenie v prikladnoi analiz mezhdunarodnykh situatsii (Introduction to Applied Analysis of International Situations). Moscow: Aspekt Press, 2014. P. 9]

Кроме объективных и признаваемых трудностей при изучении политики безопасности, однако, возникают многочисленные трудности теоретического, методологического и методического порядка, с одной стороны, и субъективных подходов, с другой². Причем, как показывает исторический опыт, в вопросах безопасности, особенно военного и политического искусства, субъективно и иррациональные факторы не только имеют важное значение, но значение это в XXI веке только усиливается³. При этом определенный прогресс в изучении вопросов безопасности, сделанный после нескольких десятилетий кризиса, в самые последние годы в России (который выражается в том числе в подготовке и публикации большого количества документов, – от законов РФ «О стратегическом планировании» и «О безопасности», различных редакций Стратегии национальной безопасности России, Военной доктрины, Концепции внешней политики и пр. до постановлений Правительства РФ и соответствующего аппарата), – отнюдь не компенсирует того огромного отставания в исследованиях на эту тему, которое произошло в последние 25–30 лет в российской на-

² См. подробнее в работе: Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. – М.: МГИМО-Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. – 796 с. [Strategicheskoe prognozirovaniye i planirovaniye vneshnei i oboronnoi politiki: monografiya (Strategic Forecasting and Planning of Foreign and Defense Policy). Vol. 1. Teoreticheskie osnovy sistemy analiza, prognoza i planirovaniya vneshnei i oboronnoi politiki (Theoretical Foundations of Analysis Systems, Forecasting and Planning of Foreign and Defense Policy). Ed. by A.I. Podberezkin. Moscow: MGIMO University, 2015. 796 p.]

³ Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А.И. Подберезкина, К.П. Боришполец. – М.: МГИМО-Университет, 2014. [Nekotoryye aspekty analiza voenno-politicheskoi obstanovki: monografiya. (Some Aspects of the Analysis of the Military-Political Situation: a Monograph). Ed. by A.I. Podberezkin, K.P. Borishpolets. Moscow: MGIMO-University Press, 2014.]

уке⁴. Вымывание целых научных школ и исчезновение научных направлений сказалось непосредственно на качестве принимаемых военно-политических решений, включая такие важнейшие области как долгосрочное планирование программ вооружений и военной техники (ВВСТ), подготовка личного состава ВС РФ и определение внешнеполитических приоритетов⁵.

Вопросы национальной и международной безопасности сохраняют свою актуальность сегодня. В международных отношениях не только сохраняется угроза войны между ведущими государствами, но и произошло фактическое увеличение численности войн и военных конфликтов после окончания холодной войны, усиление масштабов и интенсивности военного противоборства. Более того, такое развитие международной обстановки привело к появлению целого ряда философских, политологических и социологических работ, в которых обосновываются неизбежность, объективная полезность и даже необходимость войн и вооруженных конфликтов, среди которых наиболее заметными в начале века стали работы известного историка из Стэнфордского университета Яна Морриса «Война! Для чего она нужна?», в которой он, например, прямо признавал, что «наш мир стал безопаснее именно благодаря войнам»⁶

и работы известного военного теоретика Р. Грина⁷.

Подобная точка зрения имеет право на существование в силу вполне определенных объективных причин, связанных не только с усилением враждебности и военной конфликтности в последние два десятилетия, но и с неудачами по созданию сколько-нибудь эффективных систем международной, региональной или национальной безопасности, которые привели в конечном счете к формированию единственной системы безопасности «для себя» (НАТО), но «против всех».

Представляется, что важнейшим условием комплексного анализа международной и национальной безопасности является сочетание нормативного и эмпирического подходов. Т.е. необходим нормативный политический анализ, основанный на теоретических знаниях и выверенных методологических и методических подходах – без него огромное количество факторов, влияющих на политику безопасности, будет представлять собой простое нагромождение и перечисление противоречивых тенденций.

Нормативный подход незаменим при активном планировании мер по обеспечению национальной безопасности. Большой частью экспертного сообщества, как правило, признается существенное отставание в теоретических и методологических разработках в этой области. Именно в этой области в последние десятилетия образовалась огромная брешь, которая стала следствием общего кризиса российской науки, прекращения важнейших исследований и развала целых научных школ, существовавших в СССР не только в АН СССР, но и в Генеральном Штабе, МИДе и других ведомствах и организациях⁸.

⁴ Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / Под ред. А.И. Подберёзкина, М.В. Александрова. – М.: МГИМО-Университет, 2016. [Strategicheskoe prognozirovaniye mezhdunarodnykh otnoshenii (Strategic Forecasting of International Relations) / Ed. by A.I. Podberезkin, M.V. Aleksandrov. Moscow: MGIMO-Universitet, 2016.]

⁵ Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: концептуальные основы и практические выводы. – М.: Кучково поле, 2016. – 832 с. [Popov, I.M.; Khamzatov, M.M. Voina budushchego: kontseptual'nye osnovy i prakti-cheskie vyvody (The War of the Future: a Conceptual Framework and Practical Conclusions). Moscow: Kuchkovo pole, 2016. 832 p.]

⁶ Моррис Я. Война! Для чего она нужна? Конфликт и прогресс цивилизаций – от приматов до роботов / Пер. с англ. Т.О.Новиковой. – М.: Кучково поле, 2016. – С. 11. [Morris, I. War! What Is it Good For?: Conflict and the Progress of Civilization from Primates to Robots. Macmillan, 2014. P. 11.]

⁷ Грин Р. 33 стратегии войны / Пер. с англ. Е.Я.Мигуновой. – М.: РИПОЛ классик, 2016. – 896 с. [Grin, R. 33 strategii voyny (33 War Strategies). Moscow: RIPOL klassik, 2016. 896 p.]

⁸ Подберёзкин А.И., Боришполец К.П., Казанцев А.А., др. Прогнозирование международной ситуации: угрозы безопасности и военная политика России: аналитический доклад – М.: МГИМО-Университет, 2014. – с. 12-15. [Podberезkin A.I., Borishpolets K.P., Kazantsev A.A. Prognozirovaniye mezhdunarodnoi

Эмпирический политический анализ базируется на опыте, здравом смысле и интуиции⁹. К сожалению, и в этой области произошли серьезные негативные изменения, связанные прежде всего с потерей уровня экспертизы, сокращением аналитиков и исследователей в подразделениях и институтах государства, занимающихся практической работой. Всё это привело к тому, что один из ведущих экспертов в области безопасности генерал А.И. Владимиров был вынужден заявить, что «...при всем изобилии военной беллетристики... мы не имеем полной и стройной теории войны как научной теории...»¹⁰.

И первый, и второй подход не противостоят друг другу, а взаимно дополняют и уточняют результаты исследования в области безопасности.

Методология системного анализа политики безопасности составляет наименее изученную область в политических исследованиях. Прежде всего потому, что вопросы безопасности государства в СССР прежде занимались профессионалы – политики и ученые – от отношения, знаний и возможностей которых зависело в конечном счете представления политической элиты и общества в тот или иной период времени. Как правило, численность таких политиков и экспертов была ничтожно мала и сводилась к нескольким десяткам человек, сконцентрированных вокруг высшего руководства

situatsii: ugrozy bezopasnosti i voennaia politika Rossii (Prediction of International Situation: Threats to the Security and Military Policy of Russia). Moscow: MGIMO-University, 2014. Pp. 12-15.]

⁹ Хрусталева М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. – М.: Аспект Пресс, 2015. – С. 8. [Khrustalev, M.A. Analiz mezhdunarodnykh situatsii i politicheskaia ekspertiza (Analysis of the International Situation and Political Expertise). Moscow: Aspekt Press, 2015. P. 8.]

¹⁰ Владимиров А.И. Основы общей теории войны: монография. В 2 частях. Ч.1. Основы теории войны – М.: Синергия, 2013. – с. 148. [Vladimirov, A.I. Osnovy obshchei teorii voyny: monografiia. V 2 chastiakh. Ch.1. Osnovy teorii voyny (The General Theory of War: a Monograph. In 2 Parts. Part1. The Fundamental Theory of War). Moscow: Sinergiia, 2013. P. 148.]

страны, даже – точнее – вокруг одного руководителя.

Причем чем сложнее становилась обстановка в области безопасности (что требовало, казалось бы, привлечения большего числа экспертов), тем уже становился круг людей, которые реально занимались этой проблематикой в интересах высшего политического руководства страны. Так, в СССР по мере нарастания напряженности в мире в 30-е годы XX века, проходила концентрация власти от ЦК до Государственного комитета обороны (ГКО) и Ставки Верховного Главнокомандующего.

Формирование общественно-политической потребности в системном анализе политики безопасности в начале XXI в.

В конце XX века в МО произошли качественные изменения, связанные с исчезновением главного конкурента западной локальной человеческой цивилизации (ЛЧЦ) и центру силы – ОВД и СССР. Это сильно повлияло на процесс осмысления новых международно-политических реалий в области безопасности и привело к появлению многочисленных концепций – от «конца цивилизаций» до «цивилизационного противоборства». Этот «интеллектуальный взрыв», надо признать, мало затронул российскую область науки безопасности, где существовало состояние протрации и фактически полного игнорирования необходимости исследований, связанное прежде всего с отсутствием «социального заказа» со стороны правительства и общества, которые были искренне уверены, что западная ЛЧЦ подскажет России необходимые шаги в этой области. Слабые попытки противодействовать этому тренду со стороны прежних экспертов, как правило, оставались незамеченными.¹¹

¹¹ Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / Под ред. А.И. Подберёзкина, М.В. Александрова. – М.: МГИМО-Университет, 2016. – с. 19-60. [Strategicheskoe prognozirovaniye mezhdunarodnykh otnoshenii (Strategic Forecasting of International Relations) / Ed. by A.I. Podberzkin, M.V. Aleksandrov. Moscow: MGIMO-Universitet, 2016. Pp. 19-60.]

Но и это далеко не всё. С конца XX века ситуация в области анализа МО и ВПО стала быстро меняться в направлении усложнения еще и потому, что количество субъектов международной политики (государств, союзов, коалиций и пр.) резко возросло. Более того, к ним стали добавляться новые факторы – международные и иные акторы, – участвующие в международной политике, а также усилились многочисленные мировые и региональные тенденции. Как справедливо заметил Т. Шаклеина, «... международные отношения – это не просто сумма, совокупность каких-то отдельных компонентов, а сложный, но единый организм, свойства которого в целом не исчерпываются суммой свойств, присущих каждой из его составляющих ...»¹².

В итоге вместо одной, достаточно узкой, группы факторов, – субъектов МО и военно-политической обстановки (ВПО), – формирующих политику безопасности, появились, как минимум еще три новых, прежде не выступавших активно, – глобальные тенденции развития, транснациональные акторы и институты развития человеческого капитала¹³.

Таким образом появилась объективная потребность у новых субъектов исследовать политику безопасности, с одной стороны, а у прежних субъектов МО – анализировать и прогнозировать развитие международной и военно-политической обстановки¹⁴, – что

также требовалось и для стратегического планирования в области развития ВВСТ¹⁵. Это, в свою очередь, потребовало создания уже не только научных концепций, но и политических документов по стратегическому прогнозированию и планированию в конце XX века не только в России, но и в других ведущих странах мира¹⁶, среди которых необходимо выделить принятие в 90-е годы XX века первой редакции Концепции национальной безопасности, Военной доктрины, Морской доктрины, а позже – федеральных законов «О безопасности», «Об обороне», «О стратегическом планировании», которые легли в основу целой системы стратегических документов, утверждаемых указами Президента Российской Федерации¹⁷. Прежде всего речь идет о Стратегии национальной безопасности России (в редакции 31 декабря 2015 года), Концепции внешней политики, Военной доктрине и др.¹⁸. Проблема безопасности на-

С. 455-560. [Podberezkin, A.I., Kharkevich, M.V. Mir i voina v XXI veke: opyt dolgosrochnogo prognozirovaniia razvitiia mezhdunarodnykh otnoshenii (War and Peace in the XXI Century: the Experience of Long-Term Forecasting of International Relations). Moscow: MGIMO-University, 2015. Pp. 455-560.]

¹² Шаклеина Т.А. Введение в прикладной анализ международных ситуаций / под ред. Т.А. Шаклеиной. – М.: Аспект Пресс, 2014. – С. 14. [Shakleina, T.A. Vvedenie v prikladnoi analiz mezhdunarodnykh situatsii (Introduction to Applied Analysis of International Situations). Moscow: Aspekt Press, 2014. P. 14.]

¹³ Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / Под ред. А.И. Подберёзкина, М.В. Александрова. – М.: МГИМО-Университет, 2016. – С. 343-394. [Strategicheskoe prognozirovanie mezhdunarodnykh otnoshenii (Strategic Forecasting of International Relations) / Ed. by A.I. Podberezkin, M.V. Aleksandrov. Moscow: MGIMO-Universitet, 2016. Pp. 343-394.]

¹⁴ Подберезкин А.И., Харкевич М.В. Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. – М.: МГИМО-Университет, 2015. –

¹⁵ Леонтьев С.К., Губинский А.М. Технологическое прогнозирование и планирование: российский и зарубежный опыт, перспективы для отечественного оборонно-промышленного комплекса. – М.: МГУ, 2014. – С. 23-27. [Leont'ev, S.K., Gubinskii, A.M. Tekhnologicheskoe prognozirovanie i planirovanie: rossiiskii i zarubezhnyi opyt, perspektivy dlia otechestvennogo oboronno-promyshlennogo kompleksa (Technology of Foresight and Planning: Russian and Foreign Experience, the Prospects for the Domestic Military-Industrial Complex). Moscow: MGU, 2014. Pp. 23-27.]

¹⁶ National Security Strategy. Washington: GPO, February 2015.

¹⁷ Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / А.И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др. МГИМО-Университет, 2016. – 86 с. [Proekt dolgosrochnoi strategii natsional'noi bezopasnosti Rossii s metodologicheskimi i metodicheskimi kommentariiami (The Project of a Long-Term Russian National Security Strategy and Methodological Comments). Ed. by A.I. Podberezkin. Moscow: MGIMO-University, 2016. 86 p.]

¹⁸ Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. – М.: МГИМО-

ций и обществ – только начали заниматься в XXI веке. Тем более, что новые условия существования многочисленных субъектов и акторов МО в XXI веке радикально изменили характер их отношений и существо политики безопасности.

За рубежом, вместе с тем, в этой области в самые последние годы были сделаны наиболее прорывные достижения, которые отражают прежде всего потребности обеспечения безопасности наций и государств в новых условиях. На Западе, а также в Китае, Индии, ряде других государств мира были разработаны многочисленные методики анализа международной, военно-политической и стратегической обстановки, а также стратегические прогнозы и перспективные оценки. Некоторые из них обладают высокой верификабельностью и практически значимы, что подтверждает качество этих исследований и официальных документов¹⁹.

Существенные изменения в научном и информационном аппарате исследований, которые произошли в последние десятилетия во многом благодаря революции в области информатики и связи, позволили сегодня обрабатывать огромные массивы информации, анализировать и прогнозировать развитие сотен тысяч и даже миллионов факторов и переменных. Политическое и военное искусство, которое прежде игнорировало научное знание, стало опираться на его достижения.

Основные положения системного анализа политики безопасности

Принципиальная разница в теоретических и методологических подходах, сложившихся до конца XX века и подходах настоящего времени, заключается в переходе от историко-описательного, эмпирического подхода и нормативно-теоретическому. Можно спорить о достоверности и правиль-

ности тех или иных теоретических подходов и методов, избранных критериев и т.д., но в конечном счете современный подход отличается от традиционно-исторического (описательного) подхода практическими, даже прагматическими потребностями, вытекающими из необходимости стратегического прогнозирования и планирования, ставших абсолютно востребованными в XXI веке.

Основные положения методологии системного анализа состояния и стратегического прогноза будущей безопасности государств, наций и обществ, а также отдельных акторов основываются, на следующих принципиальных положениях, сформулированных в разных работах 2013–2016 гг.²⁰

1. В основе любого политического процесса в XXI в., включая процессы, связанные с обеспечением национальной и международной безопасности, **лежит стремление всех акторов МО, объединенных в разных ЛЧЦ, сохранить и продвинуть свои системы ценностей и обеспечить национальные интересы (потребности).** Особенно откровенно и настойчиво это реализуется в политике западной ЛЧЦ, которую в настоящее время формулируют и реализуют США и их ближайшие союзники в рамках широкой военно-политической коалиции. Это открыто признается и подтверждается политической практикой и многочисленными примерами²¹.

Университет, 2016. – с. 338. [Podberezkin, A.I. Strategiiia natsional'noi bezopasnosti Rossii v XXI veke (Russian National Security Strategy in the XXI century). Moscow: MGIMO-University, 2016. P. 338.]

¹⁹ Strategic Trends Program / Global Strategic Trends – Out to 2045. Lnd., Ministry of Defense, 2015.

²⁰ Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / Под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. – М.: МГИМО-Университет, 2016. – 743 с. [Strategicheskoe prognozirovaniye mezhdunarodnykh otnoshenii (Strategic Forecasting of International Relations) / Ed. by A.I. Podberezkin, M.V. Aleksandrov. Moscow: MGIMO-Universitet, 2016. 743 p.]

²¹ Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. – М.: МГИМО-Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. – с. 51-312. [Strategicheskoe prognozirovaniye i planirovaniye vneshnei i oboronnoi politiki: monografiya (Strategic Forecasting and Planning of Foreign and Defense Policy). Vol. 1. Teoreticheskie osnovy sistemy analiza, prognoza i planirovaniia vneshnei i oboronnoi politiki

В XXI в. основными субъектами МО стали локальные человеческие цивилизации (ЛЧЦ) и прежде всего их страны-лидеры: США, Китай, Россия, Индия. Поэтому основной приоритет в обеспечении безопасности принадлежит обеспечению безопасности национальной идентичности ЛЧЦ, нации и государства, а также безопасности интересов этих ЛЧЦ. Это означает, что методология анализа современной МО и ВПО должна основываться прежде всего на анализе систем ценностей и интересов ЛЧЦ и их военно-политических коалиций, союзов и двусторонних партнеров.

2. Система международных отношений находится либо в состоянии самоорганизации, либо в состоянии хаоса. Способность к самоорганизации системы международных отношений позволяет прогнозировать ее долгосрочное развитие, т.к. в основе самоорганизации находятся объективные закономерности. Напротив, если система пребывает в хаотическом состоянии, предсказать ее развитие даже в краткосрочный период принципиально невозможно.

Для определения состояния системы международных отношений необходимо выявить показатели четырех ее параметров: уровня разнообразия элементов, уровня взаимосвязи элементов, уровня взаимозависимости элементов и скорости распространения норм в системе. Если показатели всех четырех критериев находятся в своих медианных значениях, система пребывает в состоянии самоорганизации. Если показатели всех четырех критериев находятся в своих экстремальных значениях, в системе начинается хаос. Полный хаос и идеальная упорядоченность – это экстремальные точки, в которых система оказывается редко. Чаще всего она располагается между ними, в направлении хаоса или порядка.

3. Современная система международных отношений находится в состоянии практически полного хаоса и поэтому не прогнозируема.

Разнообразие акторов международных отношений постоянно растет за счет

неправительственных международных организаций, транснациональных компаний, распределенных интернет-сообществ и т.д. Взаимосвязь между ними обеспечивает Интернет, доступ к которому распространяется по всей планете. Взаимозависимость возникает благодаря общим глобальным угрозам и интеграционным проектам, которые имеют уже не только региональную, но и трансрегиональную природу. Единственно, что пока сдерживает систему от максимальных показателей всех четырех параметров – это укрепление цивилизационной динамики, которая препятствует быстрому распространению норм по миру. Нормы сложно преодолевают цивилизационные границы.

Окончание холодной войны, распад СССР, возникновение ИГИЛ, резкое охлаждение отношений между Россией и Западом, мировые экономические кризисы 1998 г. и 2008 г. застали исследователей международных отношений врасплох, делая их обычными комментаторами происходящих событий. Непредсказуемость развития системы международных отношений связана с ее сложностью. Это стохастическая система, состоящая из множества волевых, взаимосвязанных и взаимозависимых акторов, действующих на различных уровнях, без достаточной информации о себе и своих конкурентах в условиях дефицита времени. В результате предсказать, как будет вести себя каждый конкретный элемент системы международных отношений или что станет с самой системой в среднесрочной и тем более в долгосрочной перспективе невозможно.

4. Долгосрочное прогнозирование международных отношений рассматривается как стратегическое планирование. Несмотря на то, что спрогнозировать развитие международных отношений невозможно, необходимо принимать конкретные решения и предпринимать действия здесь и сейчас. Государство должно выбрать один из базовых прогнозов развития международных отношений, как минимум, для выделения приоритетов своего развития и распределения ресурсов. Поэтому прогноз должен быть максимально детальным и конкретным, он ложится в основу детального плана действий и мероприятий.

(Theoretical Foundations of Analysis Systems, Forecasting and Planning of Foreign and Defense Policy). Ed. by A.I. Podberezkin. Moscow: MGIMO-University, 2015. P. 51-312.]

Данное допущение противоречит здравому смыслу, но не логике развития человеческой цивилизации. Здравый смысл требует разделять прогноз и план, но на практике они оказываются неразделимыми, если речь, конечно, идет о реальных сложных, адаптивных общественных системах, а не о прогнозировании развития абстрактной системы или схемы.

Проявлением перехода прогнозирования в планирование является феномен виртуализации международных отношений. Искажение действительности в политике – невольное или сознательное – происходило и прежде, но в XXI веке оно приобрело другое качество: изначально прогнозируется, планируется и создается заведомо ложная, «виртуальная» реальность, под которую позже, с помощью самых разных средств, подгоняется действительность. Так, в начале 1990-х годов в Европе создавалась ложная, «виртуальная» реальность «Югославия-агрессор», которую потом превратили в подлинную, реальную международную обстановку, по отношению к которой применили военную силу.

Стратегия национальной безопасности должна изначально включать в себя в качестве единых интегрированных частей анализ, стратегический прогноз и планирование, что далеко не всегда находило место на практике. Так, Стратегия национальной безопасности России в последних двух редакциях (2009 и 2015 гг.) фактически не исходит из потребностей стратегического прогноза и планирования²², хотя это требование и сформулировано прямо в ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»²³.

5. Глобализация постепенно сменяется регионализацией в форме утверждения локальных человеческих цивилизаций (ЛЧЦ). Усиление региональной

²² Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» № 683 от 31 декабря 2015 г. [Presidential Decree “On the Russian Federation National Security Strategy” № 683 of December 31, 2015]

²³ Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации». ФЗ № 2014 г. [Federal Law “On the Strategic Planning in the Russian Federation”. Federal Law № 2014].

цивилизационной динамики является ответом на глобализацию. Формируются локальные человеческие цивилизации вокруг государств, играющих роль регионального лидера. Россия является центром для евразийской цивилизации, США – для западной цивилизации, Китай – для азиатской цивилизации, в Латинской Америке – Бразилия, в Европе – Германия. В исламской цивилизации лидер пока не определен.

6. Очередная война между великими державами за лидерство неизбежна, она будет носить межцивилизационный характер. Взаимное ядерное уничтожение между великими державами уже не гарантировано. Ядерное сдерживание ослабевает из-за развития кибер оружия, глобального ПРО, но главное – из-за распространения практики сетецентрической войны, благодаря которой можно сменить политическую элиту практически в любом государстве, сохранив при этом его население, армию, инфраструктуру и экономику.

В связи с этим необходимо:

- переоценить внешнеполитические приоритеты с учетом развития военно-силового сценария, прежде всего с точки зрения возможных союзников и партнеров;

- пересмотреть структуры военной организации России, которая до настоящего времени не включает, как минимум, три крупные группы ресурсов – идеологию, институты гражданского общества и частный бизнес;

- пересмотреть планы оборонного строительства с учетом специфики навязываемой системной сетецентрической войны.

Но, прежде всего, необходимо признать, что современная «точка отсчета» развития существующего сценария международной обстановки уже говорит о начале против России сетецентрической войны и требует сделать соответствующие политические выводы. Такое смелое решение, естественно, потребует веского обоснования (хотя никто не может гарантировать абсолютной точности такого обоснования), которое имеет огромные последствия для государства. От этого зависит ресурс времени, который является очень важным, а иногда и невозполнимым ресурсом.

Подготовка к современной войне занимает уже не годы, а десятилетия. Она требует не только новых НИОКР, но и фундаментальных исследований, разработки новых технологий, а также существенных корректив в существующей военной организации государства и управлении страной, обществом и вооруженными силами, нового качества национальной мобилизации.

7. Любой прогноз строится в рамках субъективной картины мира (либо разработчика сценария, либо его заказчика).

В сфере стратегического долгосрочного планирования исследователи также пользуются той картиной мира, которая доминирует в их сознании. Так как сфера планирования включает в себя не только технологический и экономический компоненты, но и политический, на процесс долгосрочного планирования влияние могут оказывать и философская, и религиозная картины мира. Политика, в конце концов, – это практическое выражение морали, того, что человек, общество и государство желают иметь или того, чем они желают быть.

Формируемый стратегический долгосрочный прогноз, таким образом, должен быть непротиворечивым в рамках картины мира его создателя или адресата. Проблема заключается в том, что состояние мира через 30 или 50 лет может противоречить любой существующей сегодня картине мира. Можно ли представить мир, основным источником энергии в котором служит солнце, а не углеводороды; мир без традиционных ценностей семьи и брака; мир без четкой гендерной дифференциации; мир без ядерного оружия; мир, в котором солдатами будут роботы и т.д.

Поэтому долгосрочное прогнозирование должно предполагать постоянную проблематизацию априорных допущений плана с тем, чтобы эти допущения можно было менять вслед за меняющейся реальностью. Если допущения останутся константой в постоянно меняющемся мире, то любое планирование на их основе обречено на провал.

Для предупреждения возможных неприятных сюрпризов предлагается три инструмента: указатели, формирующие действия и хеджирующие действия. Указателями слу-

жат некоторые показатели состояния критических и уязвимых допущений, которые необходимо постоянно мониторить. Указатели являются событиями или пороговыми значениями состояний, которые в случае обнаружения при мониторинге будут указывать на то, что уязвимое допущение провалилось и требуется изменение или исправление первоначального плана.

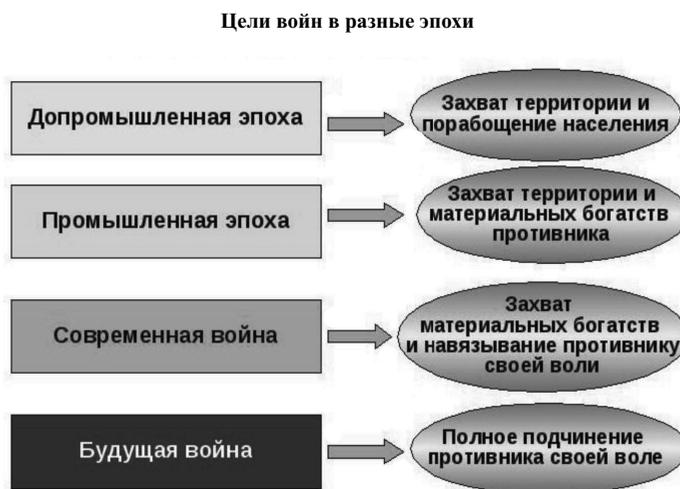
Системными указующими являются выделенные выше четыре параметра системы: уровень разнообразия элементов, взаимосвязи элементов, взаимозависимости элементов и скорости распространения норм в системе.

Формирующие действия необходимы для поддержания допущений, для обеспечения контроля над будущим настолько это возможно. Формирующие действия призваны обеспечить реализацию допущений в интересах планировщика.

Хеджирующие действия позволяют подготовиться к ситуации, когда критически важные, но уязвимые допущения, все же, провалились, несмотря на все формирующие действия, направленные на их поддержку. Хеджирующие действия определяются путем проигрывания сценария, в котором критические допущения провалились. Такой гипотетический сценарий позволит увидеть, что можно будет сделать в этом случае.

Нельзя надеяться, что удастся выявить все причины, почему план может провалиться или подготовить план, который будет способен выдержать любые изменения контекста. Существует бесчисленное количество событий, которые могут нарушить даже самый лучший план. Основная задача долгосрочного прогнозирования состоит в том, чтобы отслеживать возможные нарушения допущений, сделанных в прогнозе и быть готовым к реагированию на них.

8. Существует достаточно строгая логика и вертикально-выстроенная последовательность в развитии отдельных сценариев (отношений ЛЧЦ, МО, ВПО, стратегической обстановки (СО), войн и конфликтов), которая является концептуальной основой для анализа и прогноза системы безопасности. Она требует исследования этой проблемы изначально «сверху–вниз» –

Picture 1. War Objectives in Human History

от общего к частному, – хотя и признает неизбежное влияние частного на формирование более общей системы, особенно если речь идет о тех областях, где субъективный фактор играет решающее значение²⁴. В XXI веке ВПО в мире (и, как следствие, СО, характер войн и конфликтов) формируется в результате развития МО, а та, в свою очередь, формируется прежде всего, под влиянием развития отношений между ЛЧЦ, т.е. «сверху–вниз»²⁵.

Вместе с тем, изменения в характере войн и военных конфликтов, т.е. изменения

²⁴ Подберезкин А.И., Харкевич М.В. Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. – М.: МГИМО-Университет, 2015. – С. 111-128. [Podberezkin, A.I., Kharkevich, M.V. Mir i voyna v XXI veke: opyt dolgosrochnogo prognozirovaniia razvitiia mezhdunarodnykh otnoshenii (War and Peace in the XXI Century: the Experience of Long-Term Forecasting of International Relations). Moscow: MGIMO-University, 2015. Pp. 111-128.]

²⁵ Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А.И. Подберезкина, К.П. Боришполец. – М.: МГИМО-Университет, 2014. [Nekotorye aspekty analiza voenno-politicheskoi obstanovki: monografiia (Some Aspects of the Analysis of the Military-Political Situation: a Monograph). Ed. by A.I. Podberezkin, K.P. Borishpolets. Moscow: MGIMO University Press, 2014.]

на самых «нижних этажах» этой пирамиды, безусловно, влияют не только на формирование ВПО и МО, но и на отношения между ЛЧЦ. В частности, бескомпромиссный характер будущих войн неизбежно требует и ведет к обострению МО и отношений между ЛЧЦ. Это видно на схеме, описывающей различный характер войн в истории человечества²⁶ (см. Рис. 1).

Субъективные факторы, прежде всего развитие человеческого капитала и его институтов, в XXI веке усиливают влияние личности, в т.ч. нередко и неадекватное и иррациональное, на развитие МО и отношения между ЛЧЦ²⁷. В ноябре 2016 года,

²⁶ Попов И.М. Доклад «Война – это мир: невоенные аспекты обеспечения безопасности государства». 2014. Апрель. – М.: МГИМО-Университет, 2014. Режим доступа: <http://eurasian-defence.ru/> [Popov, I.M. Doklad «Voina – eto mir: nevoennye aspekty obespecheniia bezopasnosti gosudarstva (War is Peace: the Non-Military Aspects of Security). April, MGIMO-University, 2014. Mode of access: <http://eurasian-defence.ru/>]

²⁷ Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / А.И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др. МГИМО-Университет, 2016. – с. 11-13. [Proekt dolgosrochnoi strategii natsional'noi bezopasnosti Rossii s metodologicheskimi i metodicheskimi kommentariiami (The Project of a Long-Term Russian National Security

например, на исходе своего президентства, Б. Обама признал, что вооруженное нападение на Ливию в 2011 году было ошибкой, которая принесла масштабные негативные международные последствия.

Концепция системной безопасности как инструмент обеспечения национальных интересов

Требование «национальной идеи», «эффективной стратегии», «хорошего управления» и т.п. сводятся в конечном счете к требованию иметь научно обоснованную общенациональную концепцию безопасности и развития, которая в ясной и короткой форме и доступной парадигме могла бы сформулировать основную цель национального развития и вытекающие из нее представления о безопасности в условиях нарастающего противоборства между локальными человеческими цивилизациями (ЛЧЦ). На это противоборство обратили внимание в начале 90-х годов прошлого века сразу несколько исследователей, наиболее известными из которых были А. Тойнби и С. Хантингтон²⁸. Причем реализовывать эту концепцию безопасности и стратегию развития придется наверняка в условиях кризиса и жестких ресурсных ограничений, что делает требования к повышению ее эффективности еще более жесткими.

Иными словами резкое обострение МО и ВПО во втором десятилетии XXI века особенно остро поставило вопрос перед руководством страны не только о немедленных тактических действиях по нейтрализации этих угроз (санкций, действий на Украине, в Сирии, киберугрозах и т.д.), но и выстраивании общенациональной стратегии безопасности и развития на стратегическую перспективу в неблагоприятных и даже

враждебных внешних условиях²⁹. Ни попытки сформулировать стратегию национальной безопасности России (Указ 683 от 31 декабря 2015 г.), ни предложения стратегии социально-экономического развития (март 2008 г.) этой задаче не соответствовали.

Решать эту задачу предстоит, видимо, тем же структурам, которые уже пытались ее решать прежде в имеющихся институтах государства и на той же материальной и информационно-аналитической основе, что уже ставит под сомнение возможность такого эффективного решения.

Если говорить о законодательной и нормативной основе, то в ней, как оказывается, нет места для долгосрочной стратегии самого высокого уровня, в которой, прежде всего, формируется национальное целеполагание, т.е. цели развития и основные требования к безопасности³⁰. Коротко и не бесспорно они описаны в двух последних редакциях Стратегии национальной безопасности России (2009 и 2015 года), в которых подчеркивается, что они являются «базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты»³¹, но где сами интересы и приоритеты изложены противоречиво и вызывают серьезные возражения (Ст. 30 Стратегии).

²⁹ Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / А.И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др. МГИМО-Университет, 2016. – С. 9-11. [Projekt dolgosrochnoi strategii natsional'noi bezopasnosti Rossii s metodologicheskimi i metodicheskimi kommentariiami (The Project of a Long-Term Russian National Security Strategy and Methodological Comments). Ed. by A.I. Podberezkin. Moscow: MGIMO-University, 2016. Pp. 9-11.]

³⁰ Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. – М.: МГИМО-Университет, 2016 [Podberezkin, A.I. Strategia natsional'noi bezopasnosti Rossii v XXI veke (Russian National Security Strategy in the XXI century). Moscow: MGIMO-University, 2016].

³¹ Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г. [Presidential Decree “On the Russian Federation National Security Strategy” № 683 of December 31, 2015]

Strategy and Methodological Comments). Ed. by A.I. Podberezkin. Moscow: MGIMO-University, 2016. P. 11-13.]

²⁸ Тойнби А., Хантингтон С. Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. – М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. – 288 с. [Toynbee, A.; Huntington, S. Vyzovy i otvety. Kak gibnut tsivilizatsii (Challenges and Responses. As Civilizations Die). Moscow: ООО «TD Algorithm», 2016. 288 p.]

Прежде всего, если говорить о законодательной основе, то, с одной стороны она была создана в 2000–2016 годы посредством принятия ФЗ, указов Президента РФ и постановлений Правительства РФ, но как *система* для правового обеспечения развития и безопасности нации она так и не сложилась, ориентируясь прежде всего только на институты государства (да и то далеко не все), игнорируя:

- институты нации;
- общества;
- человеческого капитала и личности.

Более того эта система не включает вообще в качестве приоритета целей *развития*, хотя именно здесь и формируется главный приоритет безопасности. Если, например, Министерство экономического развития изначально планирует (как в октябре 2016 г.) темпы роста ВВП России на 20 лет в 2 раза ниже общемировых, то это и есть главная угроза безопасности.

В этой связи особенно важное значение приобретает проблема формирования новых и развития существующих национальных и общественных институтов, укрепляющих институциональное доверие к власти, науке, вере и образованию, прежде всего с точки зрения определения целей национального развития.

Рабочая концепция формирования системы безопасности России в новых международных условиях должна, на взгляд авторов, исходить из следующих принципиальных посылок:

Во-первых, опережающего количественного и качественного роста национального человеческого капитала (НЧК) России как главного фактора развития относительно наиболее динамично развивающихся стран-представителей отдельных ЛЧЦ. Прежде всего США, КНР и Индии³². В настоящее время известен единственный способ опережающего социально-политического, экономического и технологического развития наций и государств – опережающие

темпы развития человеческого капитала и его институтов, которые могут дать синергетический, качественный эффект, компенсирующий существующее отставание России по важнейшим показателям национальной и государственной мощи.

Во-вторых, безопасность России, включая её военную составляющую, во многом определяется темпами опережающего развития институтов НЧК в социальной, научно-технической, экономической и иных областях. Именно такие институты в настоящее время определяют в решающей мере уже не только темпы развития экономики, общества и нации, но и военную безопасность государства. Качество личного состава и военного управления, способность в максимальной степени использовать возможности оружия, определяется качеством человеческого капитала и его институтов в Вооруженных Силах. Боевая эффективность также в возрастающей степени зависит от качества НЧК и его институтов в армии и в оборонно-промышленном комплексе³³.

В-третьих, рассматривать институты развития НЧК в XXI веке в качестве решающих средств обеспечения национальной безопасности, значение которых в текущем столетии будет постоянно расти. Более того, наблюдается тенденция, когда институты развития НЧК используются в качестве основного силового средства политики, вытесняя традиционные средства, включая военные, либо превращая такие средства в систему комбинированных силовых средств влияния. Этот вывод, в частности, находит свое прямое выражение в современной базовой стратегии западной ЛЧЦ, которая получила свое название «политика новой публичной дипломатии», а на самом деле стала новым вариантом политики силы – по-

³² Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал. В 3 т. Т.1-3. – М.: МГИМО-Университет, 2011-2013 гг. [Podberезkin, A.I. Natsional'nyi chelovecheskii kapital (National Human Capital). In 3 vol. Vol. 1-3. Moscow: MGIMO-University Press, 2011-2013].

³³ Информационно-аналитическая система стратегического планирования угроз национальной безопасности: аналитич. Доклад / П.М. Шмелёв, А.И. Подберезкин (и др.). – М.: МГИМО-Университет, 2014. – С. 5-7. [Informatsionno-analiticheskaiia sistema strategicheskogo planirovaniia ugrozam natsional'noi bezopasnosti: analitich (The Information-Analytical System of Strategic Planning of National Security Threats). Ed. by P.M. Shmelev, A.I. Podberезkin. Moscow: MGIMO-University, 2014. Pp. 5-7.].

Picture 2. New Public Diplomacy

литика «силового принуждения» (the power to coerce). Ее эволюцию можно продемонстрировать на *Рис. 2*.

Соответственно у такой политики качественно меняется и набор силовых средств, с помощью которых планируется достичь сформулированных целей. В самом общем виде эту эволюцию можно изобразить в *Таб. 1*.

Таблица 1
Публичная дипломатия в XX и XXI веке

Публичная дипломатия в XX веке	Публичная дипломатия в XXI веке
<i>Главные цели</i>	
Дестабилизация внутриполитической ситуации в социалистических странах	Дезорганизация государственного управления, отказ от суверенной внешней и внутренней политики
Продвижение системы ценностей западной ЛЧЦ	Смена системы ценностей и представлений о национальных интересах
Формирование оппозиции внутри социалистического блока	Смена политических элит на контролируемые со стороны западной ЛЧЦ
<i>Основные ресурсы</i>	
Государственные средства внешней политики. СМИ к специальным средствам	Масштабное использование государственных частных и общественных ресурсов, всех СМИ, специальные средства не только разведсообществ, но и других министерств (обороны, финансов и др.) и ведомств.

Публичная дипломатия в XX веке	Публичная дипломатия в XXI веке
Поддержка групп оппозиции в социалистических и развивающихся странах	Создание специальных сил и групп внутри противостоящих сообществ, способных вести силовую, в т.ч. вооруженную борьбу
<i>Стратегия</i>	
Пропагандистско-информационное обеспечение внешнеполитической стратегии США и стран НАТО	Сетевая стратегия, предполагающая интеграцию всех средств публичной дипломатии с силовыми и вооруженными средствами коалиции западной ЛЧЦ

Table 1. Public Diplomacy in XX and XXI century

Примечательно, что если с точки зрения обеспечения национальной безопасности степень доверия национальным институтам превратилась в решающий фактор в результате политики западной ЛЧЦ по дестабилизации противников и созданию обстановки хаоса, то в то же самое время зарубежные и российские исследователи обнаруживают достаточно резкое падение доверия к институтам государственной власти, о чем еще в начале 1990-х годов писал С. Хантингтон³⁴. Как

³⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: Изд.-во АСТ, 2016. – 571 с. [Huntington, S. Stolkновение tsivilizatsii (The Clash of Civilizations). Moscow: AST, 2016. 571 p.]

отмечает коллектив международных исследователей, измерение уровня доверия в постсоветской России, одного из индикаторов запасов социального капитала в национальной экономике, является очень важной научной задачей. В ходе опроса «Сравнительные исследования доверия в различных странах в период глобализации» обнаружены, в частности, следующие закономерности:

- уровень доверия всем институтам власти и управления не велик;
- уровень доверия отдельным властным институтам имеет тенденцию быть обратно пропорциональным степени близости этой власти к рядовому гражданину;
- меньше всего россияне доверяют тем институтам власти, которые больше всего соответствуют демократической модели (Думе и, особенно, негосударственным организациям);
- уровень доверия социальным институтам выше у людей с более низким человеческим капиталом³⁵.

Эти выводы имеют прямое отношение к формированию политики безопасности в стране, которая сегодня зависит исключительно от государственных институтов и органов, а, значит, также стремительно теряет доверие. При этом человеческий капитал и его составная часть – научные знания, опыт, навыки – занимают особое место среди всех национальных ресурсов, но пока еще не стали высшим приоритетом безопасности российской ЛЧЦ, нации и государства. В этом заключается главная проблема обеспечения эффективного развития нации и обеспечение её безопасности.

В XXI веке человеческий капитал окончательно превратился в главную цель и сред-

ство развития человеческого общества и, естественно, любой нации или ЛЧЦ. В конечном счете, к середине XXI века победителем станет та ЛЧЦ или нация, которая сможет обеспечить максимально высокое качество НЧК и самореализацию личности, наиболее эффективные институты развития НЧК, включая военные.

При этом роль ЛЧЦ, системы ее ценностей, наследия, интересов в XXI веке стремительно возрастает, а национально-государственная общность, выступая альтернативой глобализации, все больше расширяется до цивилизационной. Это видно не только на примере неожиданно быстрой духовно-интеллектуальной интеграции стран ЕС, но и мусульман, латиноамериканцев и других цивилизаций. НЧК становится в возрастающей мере не абстрактно-глобальным, а принадлежащим локальной цивилизации, ориентированным на ее систему ценностей.

Из сравнения ЛЧЦ по человеческому потенциалу (национальному человеческому капиталу) видно, что вперед выходят те ЛЧЦ страны, где уровень душевого ВВП на образование, культуру и здоровье выше. Но эти же показатели являются решающими и в военной области, где они определяют качество личного состава и вооружений.

Стратегический прогноз для ЛЧЦ и будущего сценария развития МО во многом предопределяется темпами развития НЧК в разных центрах силы. Особенно в таких, как китайский, индийский, бразильский и индонезийский, где его темпы могут привести к радикальным изменениям в МО и появлению принципиально новых парадигм развития.

Формирование будущих сценариев МО после 2021 года зависит от того, какая из ЛЧЦ и в каких масштабах сможет реализовать свой коалиционный потенциал³⁶. Этот результат будет зависеть не только от того, какая нация идентифицирует себя в наибольшей степени с той или иной ЛЧЦ, но и

³⁵ Сасаки М., Давыденко В.А., Латов Ю.В., Ромашкин Г.С., Латова Н.В. Проблемы и парадоксы анализа институционального доверия как элемента социального капитала современной России // *Journal of Institutional Studies* (Журнал институциональных исследований). – 2009. – №1. – С. 20. [Sasaki, M.; Davydenko, V.A.; Latov, Iu.V.; Romashkin, G.S.; Latova, N.V. Problemy i paradoksy analiza institutsional'nogo doveriia kak elementa sotsial'nogo kapitала sovremennoi Rossii (Problems and Paradoxes in the Analysis of Institutional Trust as an Element of the Social Capital of Modern Russia) // *Journal of Institutional Studies*, 2009, No. 1, p. 20.]

³⁶ Подберёзкин А.И. Третья мировая война против России: введение в концепцию. – М.: МГИМО-Университет, 2015. – С. 91-98. [Podberезkin, A.I. Tret'ia mirovaia voina protiv Rossii: vvedenie v kontseptsiiu (The Third World War against Russia: an Introduction to the Concept). Moscow: MGIMO-University, 2015. Pp. 91-98.]

от многих частных условий. Далекое не всегда, например, союзник является усилением коалиции. История знает немало примеров того, когда близкая по многим критериям нация или государство становилась ненужным и даже вредным членом альянса. Иными словами, коалиционный потенциал можно оценивать не только и даже не столько по цивилизационным признакам, сколько по политической выгоде. Так, Грузия, Молдавия или Украина могут стать сомнительным дополнением к коалиции западной ЛЧЦ. Также как таким сомнительным приобретением для ЕС и НАТО стала Румыния.

Коалиционный потенциал может быть увеличен и не только на цивилизационной, но и на межцивилизационной основе. Не случайно, например, интерес к ТС проявили не только бывшие советские республики, но и Вьетнам, Новая Зеландия, Израиль, Египет и Индия. Поэтому нельзя ставить знак равенства между цивилизационным и коалиционным потенциалами, хотя надо признать, их содержание в XXI веке все больше сближается. В любом случае, как показывает практика, в основе устойчивого военно-политического союза должно лежать единое цивилизационное ядро. Тем не менее, вполне возможны ситуативные коалиции государств различных ЛЧЦ, если для них существует угроза со стороны общего врага.

Исходя из вышесказанного, можно предполагать, что огромный коалиционный потенциал западной ЛЧЦ должен встретить в перспективе после 2021 года вполне адекватную реакцию со стороны других ЛЧЦ. Например, ШОС и другие межцивилизационные объединения могут получить свое политическое, и даже военное наполнение по мере усиления экономического веса, входящих в них стран и нарастания военно-силового давления со стороны западной ЛЧЦ. В итоге может сложиться коалиция, в которую будут входить государства, объединенные на основе системы ценностей западной ЛЧЦ, с одной стороны, и коалиция, объединяющая несколько ЛЧЦ, с другой. Например – российская, китайская, индийская, бразильская.

Сравнение и сопоставление различных потенциалов ЛЧЦ требует некоего общего

знаменателя, интегрирующего основные показатели с тем, чтобы была возможность, как минимум, экстраполяции соотношения потенциалов ЛЧЦ в стратегической перспективе. Это теоретически можно сделать, попытавшись предоставить различные «веса», придающие разные значения для тех или иных потенциалов. Прежде всего, с точки зрения его возможных военно-политических последствий.

Таким образом, долгосрочное прогнозирование трансформации системы международных отношений необходимо воспринимать не только как эмпирическое исследование, но и как нормативное исследование, составляющее теоретическую основу стратегического планирования внешней и международной политики. Усиление нормативной составляющей в прогнозировании трансформации системы международных отношений призвано в некоторой мере компенсировать хаотизацию, а следовательно и непрогнозируемость этой системы, которую мы наблюдаем сегодня. При этом следует учитывать, что эффективный инструмент реализации такого прогнозирования-планирования является система военных и гражданских инструментов, используемых для оказания комплексного многофакторного и многоаспектного воздействия на объект. В результате такого давления между отдельными его инструментами возникает синергетический эффект взаимного усиления, что позволяет экономить ресурсы влияния. Сегодня наиболее ярким примером такого комплексного влияния может служить политика новой публичной дипломатии. Для реализации подобных комплексных подходов к отстаиванию своих национальных интересов необходимо реформировать систему обеспечения национальной безопасности с целью включения в нее не только традиционных силовых органов, но и организации бизнеса и гражданского общества, а также для повышения координации между отдельными ее частями. Однако реализовать такую реформу невозможно без национальной идеологии, которая формирует нормативные приоритеты национального развития и национальной безопасности.

Литература:

Боришполец К.П. Методы политических исследований. 2-е изд. испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2010.

Владимиров А.И. Основы общей теории войны: монография. В 2 частях. Ч.1. Основы теории войны. – М.: Синергия, 2013.

Грин Р. 33 стратегии войны / Пер. с англ. Е.Я. Мигуновой. – М.: РИПОЛ классик, 2016. – 896 с.

Информационно-аналитическая система стратегического планирования угроз национальной безопасности: аналитич. доклад / П.М. Шмелёв, А.И.Подберёзкин (и др.). – М.: МГИМО-Университет, 2014.

Леонтьев С.К., Губинский А.М. Технологическое прогнозирование и планирование: российский и зарубежный опыт, перспективы для отечественного оборонно-промышленного комплекса. – М.: МГУ, 2014.

Моррис Я. Война! Для чего она нужна? Конфликт и прогресс цивилизаций – от приматов до роботов / Пер. с англ. Т.О.Новиковой. – М.: Кучково поле, 2016.

Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А.И. Подберезкина, К.П. Боришполец. – М.: МГИМО-Университет, 2014.

Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал. В 3 т. Т.1-3. – М.: МГИМО-Университет, 2011-2013 гг.

Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. – М.: МГИМО-Университет, 2016.

Подберёзкин А.И. Третья мировая война против России: введение в концепцию. – М.: МГИМО-Университет, 2015. – С.91-98.

Подберёзкин А.И., Боришполец К.П., Казанцев А.А., др. Прогнозирование международной ситуации: угрозы безопасности и военная политика России: аналитический доклад. – М.: МГИМО-Университет, 2014.

Подберезкин А.И., Харкевич М.В. Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. – М.: МГИМО-Университет, 2015.

Попов И.М. Доклад «Война – это мир: невоенные аспекты обеспечения безопасности государства. 2014. Апрель. – М.: МГИМО-Университет, 2014. Режим доступа: <http://eurasian-defence.ru/>

Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: концептуальные основы и практические выводы. – М.: Кучково поле, 2016. – 832 с.

Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / А.И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др. МГИМО-Университет, 2016.

Сасаки М., Давыденко В.А., Латов Ю.В., Ромашикин з.С., Латова Н.В. Проблемы и парадоксы анализа институционального доверия как элемента социального капитала современной России // *Journal of Institutional Studies* (Журнал институциональных исследований). – 2009. – № 1.

Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. – М.: МГИМО-Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики.

Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / Под ред. А.И. Подберёз-

кина, М.В. Александрова. – М.: МГИМО-Университет, 2016. – 743 с.

Тойнби А., Хантингтон С. Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. – М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. – 288 с.

Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» № 683 от 31 декабря 2015 г.

Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации». ФЗ № 2014 г.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: Изд.-во АСТ, 2016. – 571 с.

Хрусталева М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. – М.: Аспект Пресс, 2015.

Шаклейна Т.А. Введение в прикладной анализ международных ситуаций / под ред. Т.А. Шаклейной. – М.: Аспект Пресс, 2014.

Strategic Trends Program / Global Strategic Trends – Out to 2045. Lnd., Ministry of Defense, 2015.

References:

Borishpolets, K.P. Metody politicheskikh issledovaniy (Methods of Political Studies). Moscow: Aspekt Press, 2010.

Federal Law “On the Strategic Planning in the Russian Federation”. Federal Law № 2014.

Grin, R. 33 strategii voyny (33 War Strategies). Moscow: RIPOL klassik, 2016. 896 p.

Huntington, S. Stolknoenie tsivilizatsii (The Clash of Civilizations). Moscow: AST, 2016. 571 p.

Informatsionno-analiticheskaya sistema strategicheskogo planirovaniia ugrozam natsional'noi bezopasnosti: analitich (The Information-Analytical System of Strategic Planning of National Security Threats). Ed. by P.M. Shmelev, A.I.Podberезkin. Moscow: MGIMO-University, 2014.

Khrustalev, M.A. Analiz mezhdunarodnykh situatsii i politicheskaya ekspertiza (Analysis of the International Situation and Political Expertise). Moscow: Aspekt Press, 2015.

Leont'ev, S.K.; Gubinskiy, A.M. Tekhnologicheskoe prognozirovanie i planirovanie: rossiiskii i zarubezhnyi opyt, perspektivy dlia otechestvennogo oboronno-promyshlennogo kompleksa (Technology of Foresight and Planning: Russian and Foreign Experience, the Prospects for the Domestic Military-Industrial Complex). Moscow: MGU, 2014.

Morris, I. War! what is it Good For?: Conflict and the Progress of Civilization from Primates to Robots. Macmillan, 2014.

Nekotorye aspekty analiza voenno-politicheskoi obstanovki: monografiia. (Some Aspects of the Analysis of the Military-Political Situation: a Monograph). Ed. by A.I. Podberезkin, K.P. Borishpolets. Moscow: MGIMO-University Press, 2014.

Podberезkin A.I., Borishpolets K.P., Kazantsev A.A. Prognozirovanie mezhdunarodnoi situatsii: ugrozy bezopasnosti i voennaia politika Rossii (Prediction of International Situation: Threats to the Security and Military Policy of Russia). Moscow: MGIMO-University, 2014.

Podberезkin, A.I. Natsional'nyi chelovecheskii kapital (National Human Capital). In 3 vol. Vol. 1-3. Moscow: MGIMO-University Press, 2011-2013.

Podberезkin, A.I. Strategiia natsional'noi bezopasnosti Rossii v XXI veke (Russian National Security Strategy in the XXI century). Moscow: MGIMO-University, 2016.

Podberezkin, A.I. Tret'ia mirovaia voina protiv Rossii: vvedenie v kontseptsiiu (The Third World War against Russia: an Introduction to the Concept). Moscow: MGIMO-University, 2015. Pp.91-98.

Podberezkin, A.I., Kharkevich, M.V. Mir i voina v XXI veke: opyt dolgosrochnogo prognozirovaniia razvitiia mezhdunarodnykh otoshenii (War and Peace in the XXI Century: the Experience of Long-Term Forecasting of International Relations). Moscow: MGIMO-University, 2015.

Popov, I.M. Doklad «Voina – eto mir: nevoennye aspekty obespecheniia bezopasnosti gosudarstva (War is Peace: the Non-Military Aspects of Security). April, MGIMO-University, 2014. Mode of access: <http://eurasian-defence.ru>

Popov, I.M.; Khamzatov, M.M. Voina budushchego: kontseptual'nye osnovy i prakticheskie vyvody (The War of the Future: a Conceptual Framework and Practical Conclusions). Moscow: Kuchkovo pole, 2016. 832 p.

Presidential Decree “On the Russian Federation National Security Strategy” № 683 of December 31, 2015.

Proekt dolgosrochnoi strategii natsional'noi bezopasnosti Rossii s metodologicheskimi i metodicheskimi kommentariiami (The Project of a Long-Term Russian National Security Strategy and Methodological Comments). Ed. by A.I. Podberezkin. Moscow: MGIMO-University, 2016.

Sasaki, M.; Davydenko, V.A.; Latov, Iu.V.; Romashkin, G.S.; Latova, N.V. Problemy i paradoksy analiza institutsional'nogo doveriia kak elementa sotsial'nogo kapitala sovremennoi Rossii

(Problems and Paradoxes in the Analysis of Institutional Trust as an Element of the Social Capital of Modern Russia) // *Journal of Institutional Studies*, 2009, No. 1.

Shakleina, T.A. Vvedenie v prikladnoi analiz mezhdunarodnykh situatsii (Introduction to Applied Analysis of International Situations). Moscow: Aspekt Press, 2014.

Strategic Trends Program / Global Strategic Trends – Out to 2045. Lnd., Ministry of Defense, 2015.

Strategicheskoe prognozirovanie i planirovanie vneshnei i oboronnoi politiki: monografiia (Strategic Forecasting and Planning of Foreign and Defense Policy). Vol. 1. Teoreticheskie osnovy sistemy analiza, prognoza i planirovaniia vneshnei i oboronnoi politiki (Theoretical Foundations of Analysis Systems, Forecasting and Planning of Foreign and Defense Policy). Ed. by A.I. Podberezkin. Moscow: MGIMO-University, 2015.

Strategicheskoe prognozirovanie mezhdunarodnykh otoshenii (Strategic Forecasting of International Relations) / Ed. by A.I. Podberezkin, M.V. Aleksandrov. Moscow: MGIMO-Universitet, 2016. 743 p.

Toynbee, A.; Huntington, S. Vyzovy i otvety. Kak gibnut tsivilizatsii (Challenges and Responses. As Civilizations Die). Moscow: OOO «TD Algoritm», 2016. 288 p.

Vladimirov, A.I. Osnovy obshchei teorii voiny: monografiia. V 2 chastiakh. Ch.1. Osnovy teorii voiny (The General Theory of War: a Monograph. In 2 Parts. Part1. The Fundamental Theory of War). Moscow: Sinergiia, 2013.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-3-20-37>

LONG-TERM FORECASTING OF INTERNATIONAL RELATIONS AS STRATEGIC PLANNING OF NATIONAL SECURITY POLICY

Alexei I. Podberezkin

MGIMO University, Moscow, Russia

Maxim V. Kharkevich

MGIMO University, Moscow, Russia

<p>Article history: <i>Received:</i> <p style="text-align: right;">4 December 2016</p> <i>Accepted:</i> <p style="text-align: right;">1 June 2017</p></p>	<p>Abstract: The contemporary transformation and chaos in international relations reduce its predictability, which must be compensated by strengthening the normative content of its analysis that is in fact strategic planning. The deepening of international relations in recent years allows one to make a pessimistic conclusion about the most likely and dangerous scenario for the development of international relations - «the strengthening of military power struggles among the major local human civilizations» and they represent a military-political coalitions and power centers. It should be noted that an effective tool for the implementation of this confrontation is the system of military and civilian instruments used to provide comprehensive multi-factor and multi-dimensional effect on an object. Today, the most striking example of such an integrated influence policy is the new public diplomacy. For implementation of such an integrated approach Russia needs to reform the system of national security to include in it not only the traditional enforcement agencies, but also the organizations of business and civil society, as well as to improve coordination between its individual parts. However, the implementation of such a reform is impossible without national ideology that forms the regulatory priorities of national development and national security.</p>
<p>About the authors: <i>Alexei I. Podberezkin,</i> Dr. of History, Professor, Russian and World History Department, MGIMO University e-mail: podberezkin@gmail.com <i>Maxim V. Kharkevich,</i> Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of World Politics, MGIMO University e-mail: m.kharkevich@inno.mgimo.ru</p>	<p><i>Acknowledgements: The article is prepared with support of Russian Science Foundation: Project No. 14-18-02973</i></p>
<p>Key words: military conflicts, local human civilization, human capital, National Security Strategy, strategic outlook, strategic planning</p>	

Для цитирования: Подберезкин А.И., Харкевич М.В. Долгосрочное прогнозирование международных отношений как стратегическое планирование политики национальной безопасности // *Сравнительная политика.* – 2017. – № 3. – С. 20-37.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-3-20-37

For citation: Podberezkin, Alexei I.; Kharkevich, Maxim V. Dolgosrochnoe prognozirovanie Mezhdunarodnykh Otnoshenii kak Strategicheskoe planirovanie politiki Natsionalnoi bezopasnosti (Long-Term Forecasting of International Relations as Strategic Planning of National Security Policy) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No.3, pp. 20-37.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-3-20-37